

Observatoire ARGA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД
ОЦЕНКА СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В
ДЕЛЕ АРМАНА ДЖУМАГЕЛЬДИЕВА

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

Резюме

Настоящий доклад представляет собой независимое исследование соблюдения международных стандартов прав человека в уголовном преследовании Армана Джумагельдиева. Он не подменяет национальное производство и не претендует на повторное рассмотрение уголовного дела по существу. Его предметом является иной вопрос: обеспечили ли государственные органы Республики Казахстан те минимальные гарантии, без которых уголовное преследование, каким бы тяжёлым ни было предъявленное обвинение, не может считаться совместимым с международным правом.

Изученный массив материалов указывает не на единичный процессуальный дефект, а на взаимосвязанную последовательность событий: задержание в условиях чрезвычайного общественного кризиса; конкретные и последовательные заявления о пытках и принуждении к самооговору; отсутствие расследования, отвечающего критериям независимости, оперативности и эффективности; формирование обвинительной версии в атмосфере масштабной публичной стигматизации; закрытое судебное разбирательство; спорная оценка видеозаписей, показаний и иных доказательств; серьёзные претензии к языку судопроизводства, равенству сторон и мотивированности решений; последующее этапирование на значительное расстояние от семьи и защиты; фактическая бессрочная индивидуальная изоляция; признаки психологического кризиса; и, наконец, развёртывание нового уголовного преследования в отношении лица, уже отбывающего двадцатилетний срок.

В совокупности эти обстоятельства создают серьёзные основания полагать, что национальная система не смогла обеспечить эффективную защиту абсолютного запрета пыток, права на гуманное обращение с лицом, лишённым свободы, права на справедливое и публичное судебное разбирательство, презумпции невиновности, права на защиту и права на эффективное средство правовой защиты. Особую тревогу вызывает то, что предполагаемые нарушения не завершились вынесением приговора: фактическая изоляция и новое преследование сохраняют характер продолжающегося риска.

Наиболее сильными направлениями международно-правовой оценки являются: обязательство государства провести независимое расследование заявлений о пытках; недопустимость использования заявлений, полученных посредством насилия; фактический режим одиночного содержания и его продолжительность; обеспечение медицинской и психологической помощи; публичность и состязательность судебного разбирательства; реальность апелляционного и кассационного пересмотра; а также необходимость специальных гарантий в новом производстве. Эти вопросы требуют не декларативного ответа, а проверяемых мер: сохранения доказательств, независимого медицинского обследования, прекращения неопределённой изоляции, полноценного доступа к адвокатам и эффективного расследования государственного насилия.

1. Предмет, цели и методология исследования

Доклад подготовлен как самостоятельный аналитический документ, основанный на публичной версии Master Case File и внутренней проверке материалов, доступных ARGA. В отличие от Master Case File, задачей которого являлась систематизация фактов и процессуальной истории, настоящий

документ сосредоточен на юридической интерпретации выявленных обстоятельств, сопоставлении их с международными нормами и оценке совокупного характера предполагаемых нарушений.

Исследование построено на принципе разграничения трёх уровней утверждений: официально зафиксированных процессуальных фактов; утверждений заявителя и стороны защиты; аналитических выводов, которые могут быть сделаны из совокупности материалов. Там, где факт оспаривается, доклад не представляет позицию защиты как окончательно установленную. Вместе с тем наличие спора не освобождает государство от обязанности провести эффективную проверку, особенно когда речь идёт о пытках, угрозах жизни и здоровью, допустимости признательных показаний либо о продолжительной изоляции.

При оценке использовались нормы Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции против пыток, общие комментарии Комитета ООН по правам человека и Комитета против пыток, Правила Нельсона Манделы, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению, Основные принципы, касающиеся роли юристов, Стамбульский протокол, а также устоявшиеся подходы международных органов к оценке произвольного задержания, справедливости процесса и эффективности расследования пыток.

Методология не предполагает, что вся совокупность материалов уголовного дела должна быть раскрыта публично. Международная правозащитная оценка строится не на механическом опубликовании каждого документа, а на проверяемой связи между существенными утверждениями и источниками. Конфиденциальные материалы сохраняются в закрытой доказательственной карте и могут использоваться избирательно в конкретных международных процедурах с учётом их правил, принципа необходимости и обязательств по неразглашению.

1.1. Ограничения исследования

ARGA не является национальным судом и не обладает полномочиями проводить допросы, назначать обязательные экспертизы либо истребовать материалы у государственных органов. Поэтому доклад не формулирует окончательных выводов об индивидуальной уголовной ответственности конкретных должностных лиц. Однако международный правовой анализ не требует ожидать уголовного приговора в отношении предполагаемых исполнителей пыток, чтобы установить наличие у государства процессуальной обязанности расследовать достоверные утверждения, защитить лицо от дальнейшего риска и исключить полученные под принуждением сведения.

Часть материалов отражает позицию защиты и требует сопоставления с оригиналами процессуальных документов, видеозаписями и медицинской документацией. Это ограничение прямо учитывается в формулировках. Вместе с тем повторяемость заявлений, наличие официальных решений о прекращении и возобновлении проверок, содержание ответа учреждения исполнения наказаний и структура судебных доводов дают достаточную основу для серьёзной международной оценки.

2. Контекст дела и значение январских событий 2022 года

3. Сведения о заявителе и общий контекст

Арман Бахытович Джумагельдиев является гражданином Республики Казахстан. В публичном пространстве он широко известен под прозвищем «Дикий Арман». Такая публичная маркировка имела существенное значение для развития дела: задолго до завершения судебного разбирательства в национальных и зарубежных средствах массовой информации он систематически представлялся как криминальный лидер, организатор беспорядков либо участник предполагаемого государственного переворота. Использование устойчивого стигматизирующего образа не освобождало государственные органы от обязанности соблюдать презумпцию невиновности и воздерживаться от публичных заявлений, способных предпрешить оценку суда.

Материалы защиты указывают, что до января 2022 года Джумагельдиев не находился в розыске в связи с январскими событиями, не был обвиняемым по делам о терроризме или экстремизме и, по его утверждению, не состоял на специальных учётах как руководитель преступной организации. Вместе с тем официальные документы содержат сведения о прежних судимостях. В настоящем досье прежняя уголовная история не замалчивается, но и не рассматривается как доказательство совершения конкретных деяний в январе 2022 года. Международный стандарт требует индивидуальной оценки доказательств по предъявленному обвинению; репутация, прежняя судимость либо публичный образ не могут заменять доказательство каждого элемента состава преступления.

Январские события 2022 года происходили в условиях резкого ухудшения общественной безопасности, массовых протестов, насилия, захвата и повреждения административных объектов, мародёрства, перебоев связи и функционирования государственных институтов. Государство было обязано защищать жизнь и безопасность населения, одновременно соблюдая требования законности, необходимости и соразмерности. Именно чрезвычайный характер обстановки повышал, а не снижал потребность в последующем независимом расследовании, публичной отчётности и строгом разграничении индивидуальной ответственности.

Контекст массовых беспорядков имеет двойное значение. С одной стороны, государство обладало законной обязанностью восстановить общественную безопасность, расследовать насилие и привлечь виновных к ответственности. С другой стороны, чрезвычайность ситуации не приостанавливала абсолютный запрет пыток и не отменяла процессуальные гарантии. Международное право особенно настороженно относится к уголовным производствам, сформированным в периоды кризиса, поскольку давление на органы расследования, общественный запрос на немедленное установление виновных и политическая необходимость предложить обществу простую объяснительную модель создают повышенный риск коллективизации ответственности и подмены индивидуализированного доказывания символическим обвинением.

Публичная известность Джумагельдиева и устойчивый медийный образ «Дикого Армана» объективно усиливали этот риск. Репутация человека не является доказательством конкретного преступления. Использование прежней известности для заполнения пробелов в доказательствах несовместимо с презумпцией невиновности, поскольку уголовная ответственность должна вытекать из установленных действий, умысла и причинной связи, а не из социального образа обвиняемого.

3. Фактическая и процессуальная основа оценки

3.1. События, предшествовавшие задержанию

По версии защиты, в период нарастания беспорядков Джумагельдиев публично обращался к собравшимся с призывами прекратить насилие, не поддаваться на провокации, перевести протест в мирное русло и отказаться от нападений на административные здания. Материалы стороны защиты содержат ссылки на видеозаписи, на которых он, как утверждается, участвует в отводе людей от объектов, способствует разоружению отдельных лиц и организует охрану ряда гражданских объектов. Обвинение, напротив, интерпретировало его действия как организацию преступной группы, координацию беспорядков и насильственное удержание граждан.

Существенная часть спора касается событий в гостинице «Казахстан», комплексе Esentai и отеле The Ritz-Carlton Almaty. Защита утверждает, что лица, впоследствии признанные потерпевшими, задерживались дружинниками по подозрению в мародёрстве, нарушении комендантского часа либо участия в беспорядках, после чего передавались представителям оперативного штаба. В судебных материалах приводятся показания и видеозаписи, которые, по мнению защиты, показывают свободное передвижение отдельных лиц, отсутствие видимых повреждений до передачи государственным органам, возврат имущества и отсутствие систематического задержания случайных прохожих.

Международно-правовой анализ не требует заранее принять одну из конкурирующих версий. Он требует проверить, выполнили ли органы следствия и суд обязанность объективно исследовать происхождение телесных повреждений, момент перехода фактического контроля над потерпевшими к государственным органам, роль сотрудников оперативного штаба, а также все видеозаписи, способные подтвердить или опровергнуть обвинение. Если повреждения были причинены после передачи лиц представителям государства, возложение их на подсудимых без устранения противоречий затрагивает одновременно запрет пыток и право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Джумагельдиев был задержан 7 января 2022 года в помещении The Ritz-Carlton Almaty. Официальная версия связывала задержание с обнаружением оружия и деятельностью предполагаемой преступной группы. Заявитель утверждает, что не сопротивлялся, выполнял требования прибывших сотрудников, однако подвергся ударам. Он также утверждает, что пистолет был принесён и подложен сотрудниками до формального проведения осмотра и фиксации изъятия.

По изложенной в обращениях заявителя временной последовательности, физическое воздействие имело место приблизительно в 13:48, предполагаемое подбрасывание оружия — около 13:54, а процессуальная фиксация изъятия началась приблизительно в 14:20. Эти сведения нуждаются в сопоставлении с полными записями камер наблюдения, метаданными файлов, протоколами следственных действий, журналами доступа и показаниями всех присутствовавших лиц. Само наличие видеозаписи, способной объективно зафиксировать ход задержания, создаёт для государства повышенную обязанность обеспечить её сохранность, полноту исследования и доступ защиты.

Отдельный вопрос связан с тем, что сведения о задержании распространялись некоторыми средствами массовой информации ранее времени, указанного в официальной версии. Само по себе расхождение времени публикации и процессуального оформления не доказывает заранее спланированную фабрикацию. Однако в совокупности с заявлениями о подбросе оружия и предварительно сформированной информационной кампании оно подлежало проверке, а не простому игнорированию.

3.2. Задержание, содержание и заявления о пытках

По утверждению Джумагельдиева, с 7 по 20 января 2022 года он содержался в изоляторе временного содержания, где к нему применялось физическое насилие, в том числе воздействие электрическим током. 20 января 2022 года он был доставлен в Алматы и последовательно содержался в учреждениях системы МВД и КНБ, в том числе в одиночных камерах. Он заявляет, что целью насилия было получение признательных показаний и оговора ряда публичных и политически значимых лиц.

Материалы содержат обращения в антикоррупционные и прокурорские органы, жалобы на прекращение расследования, постановления об отмене отдельных решений и последующие постановления о прекращении. Такая процессуальная история сама по себе показывает, что заявления не были единичными либо очевидно абстрактными. Неоднократное возвращение материалов на дополнительное расследование указывает на наличие недостатков, которые вышестоящие органы считали юридически значимыми.

Ключевой вопрос заключается не в том, было ли формально зарегистрировано производство, а в том, было ли оно способно привести к установлению истины и привлечению виновных. Для этого требовались своевременная медицинская фиксация, независимые экспертизы, допрос всех сотрудников, имевших доступ к заявителю, изъятие видеозаписей и журналов, проверка командной цепочки, исключение участия в расследовании лиц, связанных с первоначальным преследованием, и мотивированная оценка каждого довода. Материалы, доступные ARGА, не позволяют заключить, что эти требования были соблюдены в полном объёме.

3.3. Предварительное расследование и формирование обвинительной версии

Расследование январских событий велось межведомственной следственно-оперативной группой при существенном участии специальных прокуроров и сотрудников различных правоохранительных органов. Объём дела, количество обвиняемых и эпизодов, а также политическая и общественная чувствительность создавали объективную сложность. Однако сложность не освобождала следствие от обязанности индивидуализировать обвинение, обеспечивать доступ к материалам, проверять оправдывающие версии и исключать доказательства, полученные незаконным путём.

Сторона защиты указывает, что обвинительная конструкция менялась, отдельные эпизоды не содержали необходимой конкретики, а роли участников описывались обобщённо. По её мнению, следствие использовало терминологию организованной преступности как объяснительную рамку, в которую затем помещались разнородные действия. Для оценки справедливости процесса необходимо установить, был ли Джумагельдиев своевременно и подробно уведомлён о фактической

и юридической основе каждого обвинения и имел ли он реальную возможность подготовить защиту по изменявшейся версии.

3.4. Судебное разбирательство и приговор

Судебное разбирательство проходило в закрытом режиме. Государственные органы могли ссылаться на безопасность участников, защиту свидетелей, конфиденциальность либо иные законные цели. Вместе с тем закрытие процесса по делу исключительной общественной значимости должно было основываться на конкретной, индивидуализированной и проверяемой необходимости, быть ограничено лишь той частью, где публичность создавала реальный риск, и сопровождаться достаточной публичностью итоговых решений. Полное либо чрезмерно широкое закрытие процесса усиливает риск неподконтрольности судебной оценки и требует особенно убедительной мотивировки.

Защита неоднократно просила об открытом разбирательстве и заявляла отводы председательствующему и государственным обвинителям. Отказы в отводах сами по себе не доказывают отсутствие независимости. Однако оценке подлежит совокупность обстоятельств: публичные заявления должностных лиц до приговора, характер закрытия процесса, отношение суда к оправдывающим доказательствам, ограничения допроса свидетелей, изменение оценки доказательств между судебным следствием и приговором, а также язык и порядок оглашения процессуальных документов.

Объединённый протокол и кассационные материалы содержат многочисленные ссылки на реплики председательствующего, сделанные при исследовании видеозаписей и показаний. По позиции защиты, судья в ходе процесса признавал, что материалы показывают патрулирование и защиту комплекса, отсутствие indiscriminate задержаний прохожих, передачу предполагаемых мародёров и действия по прекращению беспорядков. В итоговом приговоре, как утверждается, эти обстоятельства получили противоположную оценку либо не были отражены. Если данное расхождение подтверждается полным протоколом и видеозаписью процесса, суд апелляционной и кассационной инстанций обязан был дать ему содержательный ответ.

Защита также указывает на отказ допросить ряд сотрудников государственных органов и иных свидетелей, способных подтвердить взаимодействие дружинников с оперативным штабом, просьбы об охране объектов, передачу задержанных и дальнейшее обращение с ними. Право на вызов и допрос свидетелей не является абсолютным, однако отказ допустим лишь при наличии относимой и достаточной причины. Особенно проблематичен отказ, если обвинение опирается на вывод о самовольном насильственном удержании, а предложенные свидетели могли подтвердить передачу лиц государственным органам либо координацию с ними.

27 января 2025 года Специализированный межрайонный суд по уголовным делам города Алматы признал Джумагельдиева виновным по статьям 262 часть 1, 268 часть 1, 272 части 1 и 2, а также по положениям, относящимся к организации похищения человека и похищению человека при квалифицирующих обстоятельствах, и назначил наказание в виде двадцати лет лишения свободы. Настоящее досье не воспроизводит обвинительный приговор и не подменяет его анализ. Для международной оценки существенны качество мотивировки, ответ на основные доводы защиты,

оценка видеоматериалов, происхождение повреждений потерпевших, допустимость доказательств и соблюдение процессуальных гарантий.

Сразу после оглашения приговора Джумагельдиев был вывезен в Костанай. По его утверждению, адвокаты и семья своевременно не были уведомлены о месте перемещения. Перемещение на расстояние свыше трёх тысяч километров, если оно существенно затруднило доступ к адвокатам и семье и не было обосновано индивидуальными соображениями безопасности или исполнения наказания, могло создать дополнительное вмешательство в право на защиту и семейную жизнь.

3.5. Апелляция и кассация

Апелляционные материалы содержат детальный спор с фактическими выводами приговора, ссылки на видеозаписи, показания потерпевших и свидетелей, экспертные заключения, протокол судебного заседания и противоречия в оценке событий. Основной довод состоит в том, что суд положил в основу обвинения фрагментарную и обвинительно ориентированную интерпретацию материалов, не устранил расхождения и не дал ответа на обстоятельства, которые могли иметь оправдывающее значение.

Кассационная жалоба развивает эти аргументы и ставит вопросы о закрытости процесса, нарушении языка судопроизводства, невозможности полноценного использования перевода, нарушении равенства сторон, отказе исследовать доказательства защиты, использовании показаний лиц, заявлявших о насилии, и расхождении между протоколом судебного следствия и приговором. В частности, защита утверждает, что новый обвинительный акт оглашался на русском языке без надлежащего перевода для участников, избравших казахский язык судопроизводства, а приговор 27 января 2025 года не был полностью оглашён через переводчика на казахский язык.

Международный стандарт эффективного обжалования требует не формального перечисления доводов, а ответа на существенные вопросы, которые, если они обоснованы, способны повлиять на исход дела. К таким вопросам относятся происхождение телесных повреждений, полнота видеозаписей, предполагаемая фальсификация оружия, законность закрытия процесса, применение пыток, допустимость признаний, конкретизация обвинения и возможность допроса ключевых свидетелей.

3.6. Условия содержания после приговора

После перемещения Джумагельдиев оказался в режиме фактической индивидуальной изоляции. В официальном ответе РГУ «Учреждение №76» указано, что он не содержится в одиночной камере в качестве дисциплинарного взыскания, однако в камеру другие лица не помещаются ввиду отсутствия «психологически совместимых сокамерников». Учреждение также сообщило, что сроки такого содержания не устанавливались, поскольку дисциплинарная мера формально не применялась.

Такое объяснение не устраняет международно-правовую проблему. Правила Нельсона Манделы определяют одиночное заключение через фактический режим содержания, а не через внутреннее наименование меры. Если лицо находится без содержательного человеческого контакта двадцать два часа или более в сутки, режим может квалифицироваться как одиночное заключение независимо от того, оформлен ли он дисциплинарным постановлением. Отсутствие официального решения и срока,

напротив, лишает заключённого ясных оснований, периодического пересмотра и эффективной возможности обжалования.

31 января 2025 года, согласно ответу учреждения, Джумагельдиев разобрал одноразовый бритвенный станок и нанёс себе царапины длиной примерно 1–1,5 сантиметра, объяснив поступок несогласием с приговором. Учреждение сообщило о проведении обследования и отсутствии выявленных нарушений психического здоровья, представляющих угрозу. Однако поверхностный характер повреждений не отменяет их сигнального значения. В контексте изоляции, тяжёлого приговора, резкого перемещения и заявлений о длительном давлении данный эпизод требовал документированной оценки риска самоубийства и членовредительства, индивидуального плана наблюдения и регулярного независимого пересмотра условий содержания.

Учреждение также указало, что жалобы на давление, угрозы и ненадлежащие условия официально не фиксировались, а свидания с адвокатами предоставляются по заявлениям и без ограничения количества. Эти сведения должны сопоставляться с фактической частотой и продолжительностью конфиденциальных встреч, возможностью передачи документов, отсутствием аудиоконтроля, удалённостью учреждения и заявлениями защиты о препятствиях. Формальное наличие правила ещё не доказывает его эффективное применение.

3.7. Новое уголовное преследование

Документ о квалификации от 30 июня 2026 года относится к новому уголовному производству и описывает предполагаемую преступную деятельность, начиная с периода 2016–2017 годов. В нём Джумагельдиев представлен как организатор и руководитель преступной организации и преступного сообщества, а прежний приговор 2025 года используется в качестве подтверждения ряда исходных положений.

Защита оспаривает как фактическую основу, так и процессуальную последовательность нового преследования. В её материалах указывается, что квалификации менялись между различными формами организованной преступности, что отдельные обстоятельства уже исследовались в прежнем деле, что защите не предоставлялись первичные источники ряда сведений и что руководитель следственной группы мог быть связан с формированием ранее поддержанной государством версии.

4. Применимое международное право

Республика Казахстан является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток. Эти договоры требуют не только формального закрепления прав в национальном законодательстве, но и их практической эффективности. Государство несёт ответственность за действия своих должностных лиц, за неспособность предотвратить предсказуемое нарушение, за отсутствие эффективного расследования и за непринятие мер по устранению продолжающихся последствий.

4.1. Абсолютный запрет пыток и жестокого обращения

Статья 7 Пакта и статьи 2 и 16 Конвенции против пыток закрепляют запрет, не допускающий отступлений даже в условиях чрезвычайного положения, массовых беспорядков, угрозы национальной безопасности или борьбы с организованной преступностью. Общий комментарий №20 Комитета по правам человека подчёркивает, что одного уголовно-правового запрета недостаточно: государство должно обеспечивать действенные меры предотвращения, расследования и ответственности. Общий комментарий №2 Комитета против пыток рассматривает оперативное, беспристрастное расследование и устранение безнаказанности как неотъемлемые элементы обязательства предотвращать пытки.

Статьи 12 и 13 Конвенции требуют незамедлительного и беспристрастного расследования всякий раз, когда имеются разумные основания полагать, что пытка могла быть совершена. Обязанность возникает не только после идеально оформленной жалобы. Она возникает из совокупности признаков: характера повреждений, последовательного сообщения потерпевшего, информации адвокатов, медицинских данных, обстоятельств содержания и возможной заинтересованности сотрудников.

4.2. Исключение доказательств, полученных под пыткой

Статья 15 Конвенции против пыток запрещает использовать заявление, полученное посредством пытки, в качестве доказательства, кроме производства против лица, обвиняемого в пытке. Этот запрет защищает одновременно человеческое достоинство, надёжность правосудия и целостность судебной системы. Суд, получивший обоснованное утверждение о принуждении, не может ограничиться ссылкой на отсутствие окончательного приговора в отношении предполагаемых исполнителей. Он обязан провести самостоятельную, реальную и своевременную проверку происхождения спорных показаний.

4.3. Право на свободу и защита от произвольного задержания

Статья 9 Пакта запрещает не только задержание без формального основания, но и произвольное лишение свободы. Понятие произвольности включает несоразмерность, непредсказуемость, отсутствие надлежащей процедуры и лишение свободы, являющееся следствием грубого нарушения права на справедливый суд. Практика Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям связывает произвольность с использованием признаний, полученных под пыткой, отказом в реальном доступе к защите, нарушением независимости суда и тяжёлыми дефектами состязательности.

4.4. Право на справедливое и публичное судебное разбирательство

Статья 14 Пакта гарантирует компетентный, независимый и беспристрастный суд, публичное разбирательство, презумпцию невиновности, своевременное и подробное уведомление об обвинении, достаточное время и возможности для подготовки защиты, конфиденциальное общение с адвокатом, помощь переводчика, допрос свидетелей и пересмотр осуждения вышестоящим судом. Общий комментарий №32 подчёркивает, что справедливость должна оцениваться по процессу в

целом, однако отдельные нарушения могут быть настолько фундаментальными, что подрывают законность всего производства.

4.5. Гуманное обращение с лицами, лишёнными свободы

Статья 10 Пакта требует гуманного обращения и уважения достоинства каждого заключённого. Правила Нельсона Манделы конкретизируют этот стандарт: медицинская помощь является ответственностью государства; клинические решения должны приниматься медицинскими специалистами; одиночное заключение определяется фактическим пребыванием без значимого человеческого контакта; продолжительное одиночное заключение, превышающее 15 последовательных дней, запрещено; а применение изоляции к лицам с психическими или физическими нарушениями не допускается, если оно ухудшает их состояние.

5. Заявления о пытках и обязанность эффективного расследования

Заявления Джумагельдиева включают конкретные элементы: время и место задержания, нанесение ударов, предполагаемое воздействие электрическим током, цели давления, длительную изоляцию, конкретные периоды перемещения и требование дать показания против определённых лиц. Такая степень детализации достаточна, чтобы инициировать независимое расследование. На данном этапе ARGА не подменяет компетентный орган и не объявляет индивидуальную уголовную ответственность конкретных сотрудников установленной. Вместе с тем совокупность сведений формирует обоснованное утверждение о нарушении, которое государство обязано опровергнуть результатами эффективного расследования, а не ссылкой на отсутствие окончательного обвинительного приговора в отношении сотрудников.

5.2. Процессуальная обязанность расследовать

После получения правдоподобного заявления о пытке государство обязано действовать *ex officio*, быстро и независимо. Пострадавший не должен самостоятельно доказывать всю цепочку командования. Расследование должно быть институционально и практически независимым от органов и лиц, причастность которых проверяется; охватывать не только непосредственных исполнителей, но и отдававших приказы, знавших или обязанных знать руководителей; обеспечивать участие потерпевшего и защиту от давления.

Процессуальные решения по заявлениям Джумагельдиева демонстрируют повторяющийся цикл прекращения, обжалования, отмены либо частичного удовлетворения жалоб и нового прекращения. Такая цикличность может свидетельствовать о формальном реагировании, если после отмены не проводятся новые содержательные действия. Международные органы оценивают не число вынесенных постановлений, а способность расследования установить факты и виновных.

Особого внимания требует сохранность видеозаписей из мест содержания, гостиницы и иных объектов, медицинская документация первых дней после задержания, журналы перемещений и допуска сотрудников, данные о применении специальных средств, состав следственно-оперативной группы и все контакты с заявителем. Утрата таких материалов после своевременной жалобы может создавать неблагоприятный вывод для государства.

5.3. Запрет использования доказательств, полученных под пыткой

Статья 15 Конвенции против пыток требует исключать любые заявления, установленные как полученные в результате пытки, кроме использования против лица, обвиняемого в самой пытке. Суд, получивший обоснованное заявление о принуждении, обязан провести самостоятельную и эффективную проверку допустимости. Нельзя возлагать на подсудимого практически недостижимое бремя доказать обстоятельства, происходившие под полным контролем государства.

В материалах защиты неоднократно говорится о признаниях, самооговоре и оговоре третьих лиц, полученных под давлением. Для оценки приговора необходимо установить, какие именно показания использовались, когда и при каких условиях они были даны, имелся ли адвокат, фиксировались ли повреждения, отказывались ли лица от показаний и как суд ответил на заявления о насилии. Отсутствие отдельного окончательного осуждения сотрудников не позволяет автоматически признать спорные показания допустимыми.

Статья 9 Международного пакта защищает от произвольного задержания и требует своевременного сообщения причин задержания и обвинения, доставки к судье и возможности оспорить законность содержания. Формальная законность по национальному праву не исключает произвольности, если содержание является непредсказуемым, несоразмерным, дискриминационным либо лишено надлежащих гарантий.

В деле Джумагельдиева международная оценка должна охватывать точное время фактического задержания, момент оформления процессуального статуса, доступ к адвокату, уведомление семьи, регистрацию повреждений, основания перемещений и режим изоляции. Утверждаемое расхождение между фактическими действиями и последующей процессуальной фиксацией имеет значение не только для допустимости оружия, но и для законности первоначального лишения свободы.

Перемещение непосредственно после приговора без своевременного уведомления защиты и близких, если подтверждается, могло на определённый период лишить заявителя практической возможности обжаловать условия содержания и поддерживать контакт с адвокатом. Любое неучтённое содержание либо сокрытие местонахождения даже в течение ограниченного периода требует строгой проверки.

Критерий международной оценки состоит не в том, может ли заявитель сам установить имена всех исполнителей и восстановить каждую минуту событий. Лицо, находящееся под полным контролем силовых органов, объективно ограничено в собирании доказательств. Именно государство контролирует помещения, журналы доставления, записи камер, медицинские осмотры, состав дежурных групп и цепочку передачи задержанного. Поэтому при наличии последовательного и конкретного утверждения бремя предоставления правдоподобного объяснения обстоятельств повреждений и действий сотрудников существенно смещается к государству.

Процессуальная история, состоящая из прекращений, отмен и повторных прекращений, сама по себе не доказывает пытку, но является важным индикатором качества расследования. Многократное возвращение материалов без устранения базовых пробелов может свидетельствовать о циклической имитации проверки: формально производство существует, однако его структура не позволяет

установить истину. Международный стандарт оценивает результативную способность расследования, а не количество вынесенных постановлений.

Если спорные показания Джумагельдиева либо иных лиц использовались для построения обвинения, несмотря на неустранённые утверждения о пытках, проблема выходит за рамки статьи 7 и затрагивает статью 14 Пакта и статью 15 Конвенции. Осуждение, опирающееся прямо или косвенно на сведения, происхождение которых не было надлежащим образом проверено, становится структурно ненадёжным. Последующая ссылка на иные доказательства не всегда устраняет нарушение, если признательные сведения определили направление расследования, круг обвиняемых или интерпретацию остальных материалов.

6. Справедливость судебного разбирательства

6.1. Независимость и беспристрастность суда

Статья 14 Пакта гарантирует рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом. Субъективная убеждённость подсудимого в зависимости суда недостаточна; одновременно объективная беспристрастность оценивается с точки зрения разумного наблюдателя. Предварительные публичные заявления высших должностных лиц, политическая значимость процесса, закрытый режим и предполагаемое несоответствие между ходом исследования доказательств и приговором в совокупности способны породить объективные сомнения, требующие убедительного ответа.

Заявленные отводы должны рассматриваться органом и процедурой, обеспечивающими реальную, а не символическую проверку. Мотивировка отказа должна отвечать на конкретные обстоятельства, а не ограничиваться констатацией отсутствия оснований.

6.2. Публичность процесса

Публичность защищает обвиняемого от тайного правосудия и поддерживает доверие общества. Ограничение допускается по узким основаниям, включая безопасность и частную жизнь, но должно быть необходимым и пропорциональным. Для крупного процесса, призванного установить ответственность за события национального масштаба, общественный интерес был особенно высоким. Поэтому суд должен был рассмотреть частичное закрытие, анонимизацию, трансляцию с задержкой либо иные менее ограничительные меры.

6.3. Презумпция невиновности и публичная стигматизация

Публичные высказывания должностных лиц, представлявшие Джумагельдиева организатором событий до завершения суда, могли нарушать презумпцию невиновности. Государственные органы вправе информировать общество о подозрениях и ходе расследования, но обязаны использовать нейтральные формулировки. Утверждение о виновности как о свершившемся факте до приговора особенно опасно в деле, рассматриваемом профессиональным судом в условиях высокого общественного давления.

Масштабная информационная кампания, фильмы и публикации сами по себе не вменяются государству без доказательства контроля либо координации. Однако официальные заявления могли задавать рамку публичного повествования. Суд обязан был демонстрировать независимость от этой рамки через особенно тщательную мотивировку.

6.4. Конкретизация обвинения и возможности защиты

Обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомлён на понятном ему языке о характере и основании обвинения. В сложном многотомном деле недостаточно перечислить статьи закона и общие формулы о преступной группе. Необходимо индивидуализировать время, место, действия, форму вины, связь с последствиями и доказательства по каждому эпизоду.

Изменение обвинения в ходе процесса допустимо лишь при предоставлении достаточного времени и возможностей для подготовки. Если новый обвинительный акт либо новая формулировка были оглашены без надлежащего перевода, а суд продолжил разбирательство без реальной возможности осмыслить изменения, это затрагивает статьи 14(3)(a) и (b) Пакта.

6.5. Язык судопроизводства и перевод

Право на бесплатную помощь переводчика применяется ко всем существенным стадиям, включая оглашение обвинения, исследование доказательств и приговор. Перевод должен быть достаточным для понимания и участия, а не формальным присутствием переводчика. Утверждение защиты о неоглашении полного перевода приговора на казахский язык требует проверки аудио- и видеозаписью заседания.

6.6. Равенство сторон, свидетели и исследование доказательств

Защита должна иметь возможность допрашивать свидетелей обвинения и добиваться вызова свидетелей защиты на сопоставимых условиях. Суд может отклонить повторяющиеся или явно неотносимые доказательства, но не вправе отказывать в исследовании материалов, затрагивающих центральный вопрос виновности. В данном деле к таким вопросам относились взаимодействие с оперативным штабом, состояние потерпевших при передаче, происхождение повреждений, полные видеозаписи объектов и роль государственных служащих.

6.7. Мотивированность приговора и эффективность пересмотра

Право на справедливый суд требует решения, из которого видно, почему приняты одни доказательства и отвергнуты другие. Суд не обязан отвечать на каждую фразу защиты, но обязан рассмотреть её основные доводы. Чем более объективным является доказательство, например непрерывная видеозапись с установленным временем, тем более конкретным должен быть ответ при его отклонении.

Апелляционная и кассационная инстанции должны исправлять не только явные арифметические или формальные ошибки, но и существенные дефекты оценки доказательств. Если жалоба указывает на конкретные страницы протокола, видеофайлы, экспертные выводы и противоречия, формальная ссылка на усмотрение суда первой инстанции не отвечает требованию эффективного пересмотра.

В данном деле перечисленные элементы нельзя оценивать в изоляции. Закрытие процесса ограничило общественный контроль; публичная стигматизация сформировала устойчивое ожидание виновности; спорные ограничения защиты уменьшили способность опровергать обвинительную версию; а недостаточно мотивированный пересмотр мог закрепить первоначальные дефекты. Совокупный эффект способен достигать уровня отказа в правосудии даже тогда, когда каждое отдельное решение формально укладывается в полномочия национального суда.

Особое значение имеют видеозаписи и реплики, отражённые в протоколе судебного разбирательства. Если суд в ходе исследования признавал обстоятельства, благоприятные защите, но итоговый приговор не объяснил, почему они не повлияли на выводы, возникает не просто спор об оценке доказательств. Возникает вопрос внутренней последовательности судебного решения и возможности проверить, была ли позиция защиты действительно услышана.

7. Условия содержания, фактическая одиночная изоляция и медицинские риски

Статья 10 Пакта требует гуманного обращения и уважения достоинства каждого лишённого свободы лица. Правила Нельсона Манделы рассматривают длительное одиночное заключение, превышающее пятнадцать последовательных дней, как запрещённую практику. Даже более краткая изоляция допустима лишь как исключительная мера, на возможно короткий срок, при независимом пересмотре и с учётом состояния здоровья.

Официально признанный режим содержания Джумагельдиева одного без установленного срока вызывает серьёзные вопросы. Аргумент о невозможности подобрать совместимого сокамерника не может служить бессрочным универсальным основанием. Государство контролирует распределение заключённых и обязано искать менее ограничительные альтернативы: безопасное размещение в малой группе, регулярный содержательный контакт, образовательные и религиозные мероприятия, прогулки с другими лицами при оценке рисков, контакт с семьёй и адвокатами.

Если изоляция фактически применяется с января 2025 года либо, как утверждает заявитель, с первого дня задержания с непродолжительными перерывами, её продолжительность многократно превышает международный порог длительного одиночного заключения. В сочетании с заявленным психологическим давлением, эпизодами членовредительства и отсутствием ясного решения такой режим может достигать уровня жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а при наличии специальной цели давления — уровня пытки.

Государство обязано обеспечивать заключённым медицинскую помощь, эквивалентную доступной населению, клинически независимую от администрации и основанную на медицинских потребностях. В случае риска членовредительства медицинский персонал должен действовать не как часть дисциплинарного механизма, а как независимый защитник здоровья пациента.

Ответ учреждения содержит вывод об отсутствии опасных нарушений психического здоровья, но не раскрывает методику, периодичность наблюдения и меры после эпизода 31 января 2025 года. Для надлежащей оценки необходимы независимый осмотр, документирование признаков тревоги,

депрессии, посттравматического состояния, последствий изоляции и предполагаемых пыток, а также конфиденциальный доступ к специалисту по выбору защиты при разумных условиях безопасности.

Контакт с адвокатом должен быть не только формально разрешён, но и практически доступен, своевременен и конфиденциален. Значительное географическое удаление, административные задержки, ограничения передачи документов и наблюдение, способное раскрыть содержание разговора, могут нарушать право на защиту. Видеонаблюдение без аудиозаписи не обязательно несовместимо с конфиденциальностью, если камера не позволяет читать документы или по движениям губ устанавливать содержание и если видеозаписи защищены от нецелевого доступа.

Контакт с семьёй является важным элементом гуманного обращения и поддержания социальной связи. Ограничения могут применяться по соображениям безопасности, но должны быть индивидуализированы, пропорциональны и регулярно пересматриваться. Перемещение за тысячи километров требует оценки фактической возможности посещений, а не только наличия абстрактного права.

Официальное обозначение режима не является определяющим. Если человек фактически содержится один и лишён регулярного значимого человеческого контакта, международные стандарты рассматривают это как одиночное заключение независимо от того, оформлено ли оно дисциплинарным постановлением, мерой безопасности или объясняется отсутствием «совместимого» сокамерника. Иное толкование позволило бы обходить запрет продолжительной изоляции простой заменой административной этикетки.

Самоповреждение через несколько дней после приговора и этапирования должно было рассматриваться как серьёзный клинический и защитный сигнал. Даже поверхностные повреждения не позволяют минимизировать риск: юридически значим не только физический результат, но и психическое состояние, которое привело к поступку. После такого эпизода государство обязано обеспечить оценку риска суицида, индивидуальный план наблюдения, конфиденциальную психологическую помощь и пересмотр условий содержания, способных усиливать дистресс.

Удалённость учреждения от семьи и основной команды защиты дополнительно усиливает изоляцию. Само по себе этапирование в другой регион не запрещено, однако его последствия должны оцениваться с учётом возможности поддерживать семейные связи и эффективно общаться с адвокатами. Когда пространственная удалённость сочетается с одиночным режимом, новым расследованием и психологическим кризисом, государство обязано показать, что выбор места содержания основан на конкретных законных соображениях, а не используется как средство давления.

8. Свобода выражения мнения, деятельность защиты и новое преследование

В материалах дела утверждается, что усиление давления последовало после публикации фрагментов судебного разбирательства и материалов, опровергавших официальную версию. Государство вправе ограничивать разглашение закрытых материалов, защищать потерпевших и тайну следствия. Однако санкции и ограничения должны быть предусмотрены законом, преследовать законную цель и быть

необходимыми. Закрытый статус процесса не может использоваться как средство подавления добросовестной публичной дискуссии о пытках, справедливости суда и событиях национального значения.

Отдельной оценки требует возможность адвокатов публично комментировать дело. Профессиональные обязанности допускают ограничения, но угрозы уголовного преследования за любую пресс-конференцию или интервью, если такие угрозы имели место, способны нарушать независимость адвокатуры и право общества получать информацию.

Заявитель и защита использовали апелляционное и кассационное обжалование, подавали жалобы по фактам пыток, оспаривали прекращение расследований, обращались в прокурорские и иные государственные органы, заявляли отводы, ходатайствовали об исследовании доказательств и направляли запросы по условиям содержания. Это свидетельствует о систематическом использовании доступных внутренних процедур.

Для каждого будущего международного механизма вопрос исчерпания средств должен оцениваться отдельно. Специальные процедуры ООН не требуют исчерпания в том же смысле, что договорные комитеты. Для индивидуального сообщения в Комитет по правам человека или Комитет против пыток потребуется проверить статус соответствующих протоколов, предмет уже рассмотренных процедур, окончательные решения, сроки и реальную эффективность оставшихся средств. Неэффективность средства не предполагается только из-за неблагоприятного результата; она должна подтверждаться необоснованной длительностью, отсутствием независимости, неспособностью предоставить требуемое средство защиты либо устойчивым формализмом.

Новое производство увеличивает уязвимость заявителя, поскольку ведётся в период исполнения двадцатилетнего наказания и фактической изоляции. В таких условиях государство обязано особенно строго обеспечить конфиденциальный доступ к защитнику, достаточное время для ознакомления, медицинскую пригодность к участию в действиях и отсутствие давления с целью признания.

Использование в процессуальных документах категорических формулировок о создании и руководстве преступным сообществом до нового приговора может подрывать презумпцию невиновности. Утверждение обвинения допустимо как версия стороны преследования, но должно быть ясно обозначено как подлежащее доказыванию.

Необходимо также проверить пересечение фактов нового дела с обстоятельствами, уже окончательно рассмотренными в деле о январских событиях. Запрет *ne bis in idem* применяется к повторному суду или наказанию за то же преступление после окончательного решения. Различие юридической квалификации само по себе не устраняет нарушение, если фактическое деяние является тем же.

Международное право не предоставляет защите неограниченного права раскрывать материалы закрытого процесса. Однако ограничения должны быть точными, необходимыми и пропорциональными. Угрозы преследованием за публичное опровержение обвинительной версии либо использование уголовного производства для сдерживания адвокатов несовместимы с Основными принципами, касающимися роли юристов. Адвокат не должен отождествляться со своим

доверителем и не может подвергаться санкциям за добросовестное выполнение профессиональных обязанностей.

Новое производство требует повышенной осторожности именно потому, что разворачивается после длительного и политически значимого процесса. Государство должно исключить эффект институционального подтверждения прежней версии, при котором новые факты автоматически интерпретируются через уже сформированный образ заявителя. Конкретизация обвинения, независимость следственной группы, полный перевод, доступ к материалам и проверка возможного дублирования эпизодов должны быть обеспечены с самого начала, а не исправляться после вынесения нового приговора.

9. Эффективность национальных средств правовой защиты

Заявитель и защита использовали апелляционное и кассационное обжалование, подавали жалобы по фактам пыток, оспаривали прекращение расследований, обращались в прокурорские и иные государственные органы, заявляли отводы, ходатайствовали об исследовании доказательств и направляли запросы по условиям содержания. Это свидетельствует о систематическом использовании доступных внутренних процедур.

Для каждого будущего международного механизма вопрос исчерпания средств должен оцениваться отдельно. Специальные процедуры ООН не требуют исчерпания в том же смысле, что договорные комитеты. Для индивидуального сообщения в Комитет по правам человека или Комитет против пыток потребуется проверить статус соответствующих протоколов, предмет уже рассмотренных процедур, окончательные решения, сроки и реальную эффективность оставшихся средств. Неэффективность средства не предполагается только из-за неблагоприятного результата; она должна подтверждаться необоснованной длительностью, отсутствием независимости, неспособностью предоставить требуемое средство защиты либо устойчивым формализмом.

Средство правовой защиты является эффективным не потому, что оно существует в процессуальном кодексе, а потому, что способно предотвратить нарушение, прекратить его либо предоставить адекватное возмещение. Жалоба на пытку, которая годами циркулирует между органами без независимого исследования, не становится эффективной от количества регистрационных номеров. Апелляция, которая воспроизводит выводы первой инстанции без ответа на ключевые противоречия, не выполняет функцию пересмотра. Жалоба на условия содержания, если она не способна быстро прекратить вредную изоляцию, не отвечает характеру продолжающегося риска.

Для договорных органов вопрос исчерпания должен рассматриваться по каждому нарушению отдельно. Средства, которые недоступны, неоправданно затягиваются или объективно лишены перспективы исправить нарушение, не должны блокировать международное рассмотрение. Для специальных процедур ООН исчерпание не является формальным условием приемлемости, хотя информация о предпринятых национальных шагах имеет значение для оценки срочности и поведения государства.

10. Совокупная и системная оценка

Рассмотрение каждого эпизода в изоляции способно скрыть общий характер происходящего. В деле Джумагельдиева предполагаемые пытки после задержания, последующая неспособность государства провести эффективное расследование, обвинительно ориентированное формирование доказательственной базы, закрытый процесс, ограничение исследования оправдывающих материалов, двадцатилетний приговор, удалённое этапирование, бессрочная фактическая изоляция и новое уголовное преследование образуют взаимосвязанную цепь. Совокупный эффект этих мер значительно тяжелее суммы отдельных нарушений: заявитель последовательно лишался физических, процессуальных и публичных средств сопротивления государственной версии.

Наиболее убедительно документированными направлениями международной защиты являются: применение пыток и принуждение к самооговору и оговору третьих лиц; отсутствие независимого и эффективного расследования; фактическое продолжительное одиночное содержание, прямо подтверждённое самим учреждением; риск для психического здоровья и эпизод самоповреждения; закрытость процесса; препятствия полноценному исследованию доказательств защиты; сомнения в допустимости и происхождении обвинительных материалов; нарушения права на перевод и эффективное участие; а также новое преследование, развивающееся в условиях уже сформированной государством презумпции виновности.

Материалы также позволяют говорить о серьёзных признаках политической и институциональной обусловленности преследования. Этот вывод основывается не на одном публичном заявлении и не на политической самоидентификации заявителя, а на контексте январского кризиса, устойчивой публичной стигматизации, предполагаемых требованиях оговорить политически значимых лиц, закрытости процесса, реакции государства на распространение материалов суда и продолжении уголовного давления после вынесения двадцатилетнего приговора. Окончательная квалификация мотива относится к компетенции международных органов, однако игнорировать этот контекст означало бы искусственно обеднить фактическую картину дела.

Главная аналитическая ошибка состояла бы в дроблении дела на автономные эпизоды. Пытки, неэффективное расследование, закрытость суда, ограничение защиты, публичная стигматизация, этапирование, одиночная изоляция и новое преследование взаимно усиливают друг друга. Насилие в начале производства влияет на доказательственную базу; отсутствие расследования нормализует безнаказанность; закрытый процесс уменьшает внешнюю проверяемость; недостаточный пересмотр закрепляет результат; изоляция после приговора ограничивает возможность продолжать защиту; новое дело продлевает давление и повышает стоимость публичного оспаривания официальной версии.

Такая последовательность не требует доказательства единого тайного плана, чтобы иметь международно-правовое значение. Ответственность государства может возникать из совокупности решений разных органов, которые последовательно не обеспечили защиту. Международное право оценивает фактический результат государственной системы: был ли человек защищён от пыток, имел ли реальную возможность защищаться, получил ли независимый суд, мог ли обжаловать нарушения, сохранялось ли его достоинство в заключении. В рассматриваемом деле на каждый из этих вопросов имеются серьёзные основания ответить отрицательно.

Политическая и институциональная чувствительность январских событий усиливает необходимость внешнего контроля. Чем выше общественная значимость дела, тем строже должны соблюдаться гарантии, поскольку именно в таких производствах возникает соблазн оправдать нарушения тяжестью обвинения. Международные нормы основаны на противоположном принципе: тяжесть обвинения увеличивает, а не уменьшает обязанность государства обеспечить безупречную процедуру.

11. Основные выводы

1. Заявления Армана Джумагельдиева о пытках являются конкретными, последовательными и подтверждаются такой процессуальной историей, которая сама по себе исключает возможность отмахнуться от них как от поздней защитной версии. Государство не продемонстрировало проведения независимого, оперативного и эффективного расследования, отвечающего тяжести выдвинутых обвинений.
2. Неоднократные прекращения расследования, отмена отдельных постановлений и возвращение материалов на дополнительную проверку свидетельствуют не об эффективности контроля, а о хронической неспособности расследования устранить фундаментальные пробелы и дать убедительный ответ на заявления о государственном насилии.
3. Официальный ответ Учреждения №76 фактически подтверждает бессрочное одиночное содержание Джумагельдиева, скрытое за административной формулой об отсутствии «психологически совместимых сокамерников». Международное право оценивает реальность режима, а не выбранное государством название. Отсутствие формального решения и срока делает положение заявителя ещё более уязвимым.
4. Самоповреждение 31 января 2025 года было предсказуемым сигналом риска в условиях тяжёлого приговора, этапирования и изоляции. Государство обязано было обеспечить независимую психиатрическую и психологическую оценку, индивидуальный план предупреждения риска и регулярный пересмотр режима, а не ограничиваться констатацией поверхностного характера повреждений.
5. Закрытый судебный процесс, обвинительная информационная кампания и публичная стигматизация заявителя задолго до окончательного решения существенно ослабили практическое содержание презумпции невиновности. В деле такой общественной значимости отсутствие открытого и проверяемого судопроизводства усилило риск того, что государственная версия превратилась в заранее заданный итог.
6. Расхождения между видеозаписями, ходом судебного следствия, высказываниями председательствующего и мотивировкой приговора затрагивают саму надёжность осуждения. Эти доводы требовали подробного и проверяемого ответа вышестоящих судов. Формальное воспроизведение выводов первой инстанции не могло считаться эффективным обжалованием.
7. Нарушения языка судопроизводства и отсутствие полного перевода существенных обвинительных и судебных документов, если подтверждаются материалами процесса, лишали заявителя и других участников реальной возможности понимать обвинение, следить за разбирательством и эффективно защищаться.

8. Новое уголовное преследование, начатое в отношении лица, уже осуждённого к двадцати годам и находящегося в фактической изоляции, создаёт дополнительный риск злоупотребления властью. Оно требует особо строгой проверки на предмет повторного использования фактов, заранее обвинительной терминологии, конфликта интересов и ограничения доступа к защите.
9. Совокупный характер нарушений создаёт основания для международной оценки возможной произвольности продолжающегося лишения свободы, поскольку надёжность осуждения зависит от справедливости процесса и допустимости ключевых доказательств.
10. Национальные средства защиты по жалобам на пытки и фактическую изоляцию не продемонстрировали способности обеспечить быстрое и эффективное устранение нарушений, что повышает необходимость международного вмешательства.
11. Дело имеет значение, выходящее за пределы индивидуальной ситуации: оно демонстрирует риски уголовного правосудия в условиях политического кризиса, когда публичный образ обвиняемого способен заменить строгую индивидуализацию ответственности.

12. Рекомендации

12.1. Неотложные меры

12. Незамедлительно обеспечить независимый медицинский и психологический осмотр Джумагельдиева с его информированным согласием и возможностью конфиденциального общения со специалистами.
13. Прекратить бессрочную фактическую изоляцию либо представить конкретное индивидуализированное обоснование, установить краткий срок, судебный или независимый пересмотр и содержательные альтернативы одиночному режиму.
14. Обеспечить регулярный и конфиденциальный доступ к адвокатам, возможность передачи и изучения материалов нового дела и своевременное уведомление защиты о перемещениях и следственных действиях.
15. Возобновить либо передать независимому органу расследование заявлений о пытках, исключив участие лиц и подразделений, связанных с первоначальным преследованием; проверить командную ответственность.
16. Обеспечить сохранение и независимую экспертизу всех видеозаписей, метаданных, журналов доступа, медицинских документов и процессуальных записей, имеющих значение для задержания, обращения и судебной оценки.
17. Провести эффективный судебный пересмотр доводов о недопустимости доказательств, полученных под давлением, и исключить такие материалы из доказательственной базы.
18. Обеспечить в новом производстве нейтральную процессуальную терминологию, полный перевод, конкретизацию обвинения и проверку возможного пересечения с уже рассмотренными деяниями.
19. Воздерживаться от публичных заявлений государственных должностных лиц, представляющих виновность по новому делу как установленный факт.

12.2. Меры по восстановлению прав и обеспечению ответственности

20. Обеспечить новое, институционально независимое расследование заявлений о пытках с применением стандартов Стамбульского протокола, доступом к полной медицинской документации, видеозаписям, журналам доставления и перечням сотрудников, находившихся при исполнении.
21. Провести независимую судебную проверку того, использовались ли прямо или косвенно сведения, полученные посредством пыток или иного запрещённого обращения, и обеспечить исключение таких материалов и их производных из доказательственной базы.
22. Предоставить эффективное возмещение за установленные нарушения, включая компенсацию, реабилитацию, гарантии неповторения и меры по привлечению виновных к ответственности.
23. Обеспечить реальный пересмотр осуждения независимым судом, способным исследовать ключевые фактические и правовые доводы защиты, а не ограничиваться формальной проверкой процессуальной формы.
24. Привести практику применения одиночного содержания в соответствие с Правилами Нельсона Манделы, включая запрет бессрочной и продолжительной изоляции, независимый контроль, медицинские гарантии и обязательное документирование значимого человеческого контакта.

12.3. Международные меры

25. Направить материалы в Рабочую группу ООН по произвольным задержаниям для оценки того, достигли ли нарушения права на справедливый суд такой тяжести, что продолжающееся лишение свободы приобрело произвольный характер.
26. Обратиться к Специальному докладчику ООН по вопросу о пытках с акцентом на продолжающуюся безнаказанность, риск давления, условия изоляции и необходимость независимого медицинского обследования.
27. Направить отдельное сообщение Специальному докладчику ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов по вопросам закрытости процесса, равенства сторон, положения адвокатов и эффективности судебного контроля.
28. Оценить процессуальную возможность индивидуальных сообщений в Комитет ООН по правам человека и Комитет против пыток, отдельно проанализировав исчерпание, сроки, параллельные процедуры и предмет каждой жалобы.
29. Использовать механизмы УВКПЧ и БДИПЧ ОБСЕ для документирования системных аспектов дела, мониторинга продолжающегося преследования и привлечения внимания к состоянию гарантий справедливого суда и запрета пыток в политически чувствительных производствах.

13. Заключение

Дело Армана Джумагельдиева стало показательным примером того, как чрезвычайный общественный кризис может быть использован для построения уголовного преследования, в котором репутация обвиняемого и политическая потребность в убедительной официальной версии подменяют беспристрастную проверку фактов. Масштаб обвинений и прежняя биография заявителя не уменьшали объём его прав. Напротив, именно в отношении стигматизированного и заведомо непопулярного обвиняемого государство обязано было особенно строго продемонстрировать

законность, независимость и доказательственную добросовестность. Материалы дела свидетельствуют, что этого не произошло.

Изученные документы не позволяют характеризовать заявления о пытках, фабрикации доказательств, нарушении справедливости процесса и жестоком обращении как предположительные или периферийные. Они образуют центральную часть истории преследования и опираются на конкретные даты, процессуальные решения, видеоматериалы, официальные ответы и внутренние противоречия государственной версии. Вместо устранения этих противоречий система последовательно воспроизводила обвинительный вывод, одновременно ограничивая возможности заявителя добиться независимой проверки.

Совокупность обстоятельств даёт серьёзные основания полагать, что в отношении Армана Джумагельдиева были нарушены абсолютный запрет пыток, обязанность эффективно расследовать государственное насилие, право на гуманное обращение, презумпция невиновности, право на публичное и справедливое судебное разбирательство, право на защиту и эффективное средство правовой защиты. Длительная фактическая изоляция и новое уголовное преследование означают, что нарушения не принадлежат исключительно прошлому: их последствия продолжаются, а риск дальнейшего давления остаётся реальным.

Международное вмешательство в данном деле необходимо не для подмены национального суда общей апелляционной оценкой, а для восстановления тех минимальных гарантий, которые национальная система не обеспечила. Приоритетными направлениями являются независимая оценка жалоб на пытки, прекращение бессрочной изоляции, защита физического и психического здоровья заявителя, международная проверка произвольности лишения свободы и процессуальной справедливости, а также предупреждение использования нового уголовного дела как инструмента дальнейшего давления.

Настоящий доклад приходит к выводу, что дело Армана Джумагельдиева требует срочного, независимого и многоуровневого международного рассмотрения. Имеющиеся материалы формируют достаточно серьёзную, конкретную и внутренне связанную совокупность утверждений, чтобы исключить их трактовку как обычного несогласия осуждённого с результатом процесса. В центре дела находятся вопросы абсолютного характера: применяло ли государство пытки; обеспечило ли расследование; исключило ли полученные под насилием сведения; предоставило ли независимый и справедливый суд; и соблюдает ли достоинство человека, находящегося под его полным контролем.

Своевременное международное вмешательство необходимо не только ради индивидуальной защиты заявителя. Оно имеет значение для сохранения минимального доверия к уголовному правосудию в делах, возникших из январского кризиса 2022 года. Государственная безопасность не может быть устойчивой, если она строится на нерасследованном насилии, закрытом процессе и бессрочной изоляции. Право требует противоположного: чем серьёзнее кризис и обвинение, тем прозрачнее, независимее и доказательнее должна быть реакция государства.

Основные международно-правовые источники

- Международный пакт о гражданских и политических правах, статьи 2, 7, 9, 10, 14 и 19.
- Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, статьи 2, 12, 13, 14, 15 и 16.
- Комитет ООН по правам человека, Общий комментарий №20: запрет пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.
- Комитет ООН по правам человека, Общий комментарий №32: право на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство.
- Комитет ООН против пыток, Общий комментарий №2: осуществление статьи 2 государствами-участниками.
- Комитет ООН против пыток, Общий комментарий №3: осуществление статьи 14 государствами-участниками.
- Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы), в частности правила 1, 24–35, 43–46, 54–57, 58–63 и 68.
- Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол).
- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.
- Основные принципы, касающиеся роли юристов.

Примечание о публичном характере документа. Доклад не содержит приложений, конфиденциальных доказательств, привилегированной переписки или персональных данных, охраняемых обязательствами о неразглашении. Ссылки на материалы дела носят описательный характер. Для каждой международной процедуры должен формироваться отдельный, пропорциональный её предмету комплект подтверждающих документов.